

С-773270

На правах рукописи

Горюнова Татьяна Александровна

Онтология и понимание языка

09.00.01 Онтология и теория познания

**Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата
философских наук**

Киров
2008

012817

Работа выполнена в Государственном образовательном учреждении
высшего профессионального образования
«Вятский государственный гуманитарный университет»
на кафедре философии и социологии

Научный руководитель: доктор философских наук, профессор
Ненашев Михаил Иванович

Официальные оппоненты: доктор философских наук, профессор
Лобанов Сергей Дмитриевич

кандидат философских наук, доцент
Михайлов Андрей Евгеньевич

Ведущая организация: Государственное образовательное
учреждение высшего
профессионального образования
«Нижегородский государственный
университет имени Н. И. Лобачевского»

Защита состоится 19 декабря 2008 г. в 12.00 на заседании диссертационного
совета Д 212.041.02 при ГОУ ВПО «Вятский государственный гуманитар-
ный университет» по адресу: 610002, г. Киров, ул. Красноармейская, 26,
ауд. 104

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке ГОУ ВПО «Вят-
ский государственный гуманитарный университет» по адресу: г. Киров,
ул. К. Либкнехта, д. 89

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000439018

Автореферат разослан «17» ноября 2008 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Пос

Н. И. Поспелова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность исследования. Для судеб интеллектуальной культуры XX в. переломными явились, по крайней мере, два события, надолго определившие весь последующий ход развития человеческой мысли. События эти, связанные с переходом от классической философии к неклассической, получили названия онтологического и лингвистического поворотов.

Критический подход к онтологии и метафизике, сложившийся под влиянием кантовской философии, а также спад интереса к тематике бытия в результате технического прогресса и стремительного развития естественных наук, наблюдаемый в позитивизме, психоанализе, марксизме и других направлениях XIX – начала XX в., приводят к состоянию «дегуманизации бытия» (Ю. М. Романенко) и изгнанию метафизических вопросов из сферы знания. Однако в XX в. все больше возрастает потребность в многообразном, а не только научном измерении мира. По мнению М. Хайдеггера, для мыслителей «бытие должно быть постигнуто и сделано темой»¹. Поэтому в рамках онтологического поворота оно начинает рассматриваться с позиции человеческого существования, а точнее с позиции тех бытийных отношений, в которых находится человек, поскольку сами бытийные отношения отражают всю полноту мира. Бытие дано человеку непосредственно благодаря его встроенности в целостность реального мира и предстает как многомерная, сложная структура. Так, Н. Гартман реабилитирует бытие, указывая, что «отдыне "сущее как таковое" покидает свою призрачную даль, становясь как бы предельно близким и осязаемым»². Проблема бытия начинается в самой жизни, касаясь и познаваемого и непознаваемого, примыкая ко всему налично существующему, всем вещам, всем человеческим отношениям, включая и отношения познания. Следовательно, обращение к категории бытия в «новой онтологии» (Н. Гартман) важно и с точки зрения его познания, раскрытия.

Инициаторы онтологического поворота отмечают, что познание, сосредоточенное не на бытии, не стремящееся раскрыть его смысловое наполнение, подменяет собственный предмет: предметом гносеологии оказывается лишь абстрактное знание. Необходимо вернуться к первоначальным способам постановки проблемы бытия, обнаруживаемым еще в античности, и переосмыслить философское наследие, поставив вопрос о направленности и цели самого познания. Такая онтология актуальна в процессе выяснения оснований познания, которые обнаруживают укорененность в смысле и структуре бытия. Кроме того, «новая онтология» понимает познавательные отношения как бытийные, в процессе которых исчезают искусственные перегородки между субъектом и объектом, объект остается тем же, а изменяется субъект. Здесь описывается непосредственно открывающаяся «предданная»

¹ Хайдеггер М. Положение об основании. СПб.: Лаб. Метафизических Исследований при филос. фак. СПбГУ; Алетейя, 2000. С. 282.

² Гартман Н. К основоположению онтологии. СПб.: Наука, 2003. С. 107.

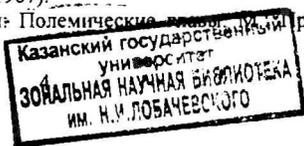
человеческому сознанию действительность, которую оно само наделяет значениями. Именно человек конституирует бытие, владея приемами смыслополагания и смысложитования, становясь создателем осмысленного бытия. Познание мира превращается в познание характеристик самого субъекта. Но и миру необходим человек для своего явления, ибо он способен услышать голос бытия. Учитывая взаимосвязь бытия и человека, их включенность друг в друга, бытие можно постичь через бытие языка.

В этом контексте особое значение приобретает феномен языка, получивший разнообразный спектр оценок и решений в XX в. Как отмечает Ж. Деррида, «наша историко-метафизическая эпоха должна определить целостность своего проблемного горизонта именно через язык»³. Исходным пунктом лингвистического поворота⁴ является обращение к языку как альтернативе картезианского «*сogito*». Язык неотличим от сознания, действующего как понимание и осмысление. Основными чертами поворота в философии языка выступают отказ от абстрактных гносеологических и психологических категорий, утративших самого человека, критика понятия субъекта, возражение против использования специального понятийного аппарата, употребление естественного языка, обращение к исследованию смысла и значения, анализ концепта осмысленности, стремление рассматривать язык как предельное онтологическое основание мышления и деятельности. Язык расценивается не как средство отображения мира или способ выражения мыслей, эмоций и переживаний, не как абстрактная система знаков, а как самодостаточный и самостоятельный мир, бытийно обусловленный. Очевидна онтологизация языка, поскольку он тесно связан с предметной действительностью, с осознанием структурированного бытия, наделенного смыслом. Язык – это «горизонт онтологии» (Г.-Г. Гадамер), особая форма понимания мира, конструирующая и вербализующая бытие, в которое погружена человеческая индивидуальность. Говоря о такой человеческой личности, надо подчеркнуть ее целостность, активность, способность взаимодействовать с миром, умение истолковывать «символический универсум» (Э. Кассирер), созидать новое знание, а не просто зеркально отражать реальность. Поэтому, по мнению Л. А. Микешиной, «для современной философии, перешедшей к новому тысячелетию, все более насущным и значимым становится стремление соотносить абстракции, категории, системы рассуждений и обоснований с самим человеком – мыслящим, познающим, действующим, чувствующим – в целостности его ипостасей и проявлений»⁵. Здесь речь идет, с одной стороны, об отказе от номиналистической интерпретации языка как абстрактной системы знаков, а с другой – об установке на изучение духовной энергии и

³ Деррида Ж. О грамматологии. М.: Ad Marginem, 2000. С. 120.

⁴ Книга под названием «Лингвистический поворот» вышла в 1967 г. под редакцией Р. Рорти (см. The Linguistic Turn. Recent Essays in Philosophical Method. Ed. and with an introduction by R. Rorty. Chicago; London, 1967).

⁵ Микешина Л. А. Философия познания: Полемика и прогресс-Традиция, 2002. С. 12.

внутренней сущности языка, об их связи с когнитивной активностью человека, его социальным и культурным опытом, об отношении бытия и языка в целом. В широком теоретико-методологическом контексте современных гуманитарных дисциплин такой подход находит свое выражение в глубинном постижении сущности языка.

В свете вышеозначенных аспектов для выявления истоков и основ онтологических и лингвистических изменений рубежа XIX–XX вв. представляется актуальным проследить в данном исследовании соотношение подходов к бытию и к природе языка в текстах философов и языковедов разных временных эпох и культур, поскольку опыт этих мыслителей дает возможность увидеть обновленную проблематику «новой парадигмы гуманитарии» (Л. А. Микешина).

Степень разработанности проблемы. В настоящей работе соотношение вопросов бытия и языка в контексте творчества ряда мыслителей находится на стыке интересов философских, лингвистических и культурологических дисциплин. В связи с этим в научно-исследовательской литературе можно выделить несколько содержательных пластов, представляющих как общий фундаментальный анализ онтологических и языковых категорий в целом, так и их критическую разработку исследователями творчества отдельных философов различных исторических периодов.

Понятие бытия присутствует в философских системах различных эпох и культур. Оно являлось предметом рефлексивного осмысления еще для древних греков, начиная с натурфилософии и заканчивая основополагающими теориями Платона, Аристотеля. Учения античных мыслителей были развиты и значительно дополнены русскими религиозными философами XIX–XX вв. Н. А. Бердяевым, Н. О. Лосским, Е. Н. Трубецким, П. А. Флоренским, С. Л. Франком и др., которые достигли поистине онтологического, метафизического уровня мышления. К западной традиции рассмотрения бытия, предметности онтологии, многомерности реальности, проблемы смыслополагания мира и иерархии смыслов можно отнести фундаментальные идеи Н. Гартмана, Э. Гуссерля, Ж. Дерриды, Э. Жильсона, Ж.-П. Сартра, М. Хайдеггера, А. Шюца.

Материал по онтологической тематике в историческом и теоретическом ракурсе также весьма обширен и многообразен. Важно назвать исследования отечественных ученых, которые не только продолжают самобытную метафизическую традицию, но и учитывают достижения мировой философии. Здесь затрагиваются вопросы бытия и материи, связи структурных элементов, пространства и времени, взаимоотношений мира и человека (А. В. Ахутин, В. В. Бибихин, Ю. М. Бородай, В. Д. Губин, А. Л. Доброхотов, И. И. Евлампиев, Р. А. Зобов, Э. В. Ильенков, Л. А. Коган, В. А. Лекторский, С. Д. Лобанов, М. К. Мамардашвили, Б. В. Марков, З. Н. Морозкина, Н. В. Мотрошилова, А. П. Огурцов, В. А. Подорога, Ю. М. Романенко, В. И. Свидерский).

Историко-теоретическая база в области лингвистики, семиотики и философии языка представлена именами Ш. Балли, Э. Бенвениста, Л. Блум-

филда, К. Бюлера, Ж. Вандриеса, Д. Гринберга, Ж. Делеза, Ж. Дерриды, Э. Сепира, Ф. де Соссюра, Б. Уорфа, Н. Хомского, У. Эко, Р. Якобсона. В их произведениях систематизированы многие лингвистические концепции, прослежена связь языка и мышления, осуществлена разработка глубинных языковых структур, а также генерируются новые идеи и намечены дальнейшие тенденции развития языкознания и философии языка. Внимания также заслуживают монографии, диссертации и статьи современных ученых по истории, теории и философии языка, по конкретным отраслям языковедения и отдельным лингвофилософским аспектам. Источником для анализа и обобщений послужили труды Н. Ф. Алефиренко, В. М. Алпатов, И. И. Арзамасцевой, Н. Д. Арутюновой, Н. И. Безлепкина, А. Вежбицкой, Б. М. Гаспарова, О. А. Донских, В. А. Звегинцева, Е. А. Земской, Л. Г. Зубковой, В. Б. Кашкина, М. К. Петрова, Г. В. Рамишвили, В. П. Руднева, Ю. С. Степанова, Л. Ц. Тарчимаевой, А. А. Тахо-Годи, В. С. Юрченко.

Многие из авторов, в том числе и некоторые уже перечисленные, в своих исследованиях выходят за рамки как онтологических, так и языковых идей. Работы В. В. Анцуповой, Н. И. Бересневой, И. А. Бесковой, А. Л. Блинова, Л. Г. Брюховской, Л. С. Выготского, Л. А. Гореликова, Н. И. Жинкина, И. Т. Касавина, Т. Качераускаса, Л. П. Киященко, В. В. Колесова, В. В. Кортунова, Ю. В. Кругляк, Е. Е. Кудакowej, С. В. Лешева, Т. А. Лисициной, А. А. Леонтьева, Т. М. Любимовой, А. А. Мельниковой, Н. Л. Новиковой, С. Ору, С. Пинкера, А. Н. Портнова, С. Г. Тер-Минасовой, М. Фуко, Е. И. Чубковой, В. Л. Шульца являются интегративными философскими, лингвистическими, психологическими, культурологическими, эпистемологическими и носят комплексный характер.

Содержательный пласт научно-теоретических разработок касается творчества отдельных мыслителей различных эпох, начиная с античности, чьи онтологические и лингвистические концепции легли в основу онтологических и языковых трансформаций рубежа XIX–XX вв.

В научных изданиях, посвященных древнегреческим представлениям о языке, используется понятие «философия имени», выражающее картину мира, проникнутую единством бытия и пониманием его как совокупности отдельных вещей, каждая из которых обладает именем. Обзор литературы показывает, что современные ученые традиционно концентрируются на изучении античными мыслителями подходов к вещи и ее имени, процессов именования, возможностей языка и речи выражать объективную действительность: В. М. Алпатов, О. А. Донских, Л. Г. Зубкова, В. В. Каракулаков, Н. Б. Мечковская, Ю. В. Рождественский, И. М. Троцкий, А. Х. Султанов. Онтологию и концепции бытия натурфилософов анализируют В. П. Визгин, П. П. Гайденко, И. Д. Рожанский и др.

Предметом текстуального анализа диссертационного исследования явились философские тексты Платона и Аристотеля, связанные с онтологической проблематикой и закладывающие основы классической и неклассической парадигм в языкознании. Среди множества научных работ по творче-

ству греческих мыслителей надо выделить те, в которых интерпретируются категории бытия, логики и языка, рассматриваются их соотношение и взаимосвязи. Это труды антиковедов и историков языкознания В. Ф. Асмуса, А. Безансона, Т. Ю. Бородай, В. А. Бочарова, Э. Бенвениста, К. Бюлера, Т. В. Васильевой, В. Виндельбанда, В. Вундта, А. В. Гостева, В. П. Зубова, Е. П. Логачевой, Р. К. Луканина, Т. П. Матяша, Р. В. Светлова, С. Н. Трубецкого, А. Н. Чанышева, П. Д. Юркевича.

Для становления неклассических подходов языкознания важными являются деятели Нового и Новейшего времени – В. фон Гумбольдт, С. Н. Булгаков и М. Хайдеггер, развившие некоторые идеи античных авторов и подходившие к языку онтологически.

Значимый вклад в разработку наследия В. Гумбольдта внесли следующие авторы: А. В. Гулыга, С. Д. Канцельсон, В. Г. Кузнецов, В. И. Постовалова, О. А. Радченко, Г. В. Рамишвили и др. Они проследили эволюцию взглядов немецкого ученого, сделав акцент на деятельностном подходе В. Гумбольдта к языку, выявили связи с герменевтикой и описали дальнейшую судьбу его учения – неогумбольдтианства.

Учение об имени С. Н. Булгакова относится к онтологическому направлению русской философии языка. Имя, по мнению ряда исследователей, становится тем инструментом, благодаря которому происходит проникновение в разнообразные формы проявления сущностей вещей и явлений, в отношения между миром и словом, космосом и языком. Так, И. Ю. Алексеева, Н. И. Безлепкин, Н. К. Бонецкая, В. В. Зеньковский, А. В. Гулыга, И. И. Евлампиев, В. П. Океанский, А. Х. Султанов, С. С. Хоружий прослеживают связь идей С. Булгакова с платонизмом и аристотелизмом, обосновывают метафизическую сущность слова в его подходе.

Вопрос о сущности языка, принадлежащей миру и бытию, решается М. Хайдеггером в рамках фундаментальной онтологии, которая сегодня всесторонне изучена. Внимание большинства авторов акцентируется на рассмотрении понимания М. Хайдеггером бытия и сущего, истины, временности, события, идей, касающихся искусства, науки, поэзии, на исследовании немецким мыслителем языка в феноменологической и герменевтической перспективе (А. В. Ахутин, В. В. Биbihин, Д. Ю. Дорофеев, К. М. Долгов, В. А. Канке, А. Койре, Б. В. Марков, Л. А. Микешина, Н. В. Мотрошилова, В. А. Подорога, М. В. Поздняков, В. Г. Пушкин, Ф. А. Олафсон, В. М. Розин, Р. Сафрански, Ф.-В. фон Херрманн, Д. К. Хоу).

Очевидно, что накоплены фундаментальные и прикладные исследовательские материалы в каждой отдельной области. Отечественные и зарубежные ученые не только заложили основные традиции, но и проделали конкретную работу по освещению, описанию, вычленению различных аспектов соотношения бытийственной и языковой реальностей. В то же время, несмотря на большое число самостоятельных онтологических и лингвистических концепций, для исследователей остается обширное дискуссионное поле по проблемам сущности и природы языка, обнаруживается недостаточная

ясность в системе корреляционных отношений языка, человека и бытия, не до конца выявлены механизмы взаимодействия отдельных элементов этих систем.

Объектом исследования являются философские концепции различных эпох, включающие в качестве своих составляющих, с одной стороны, определенные идеи относительно сущего и бытия (онтология), а с другой – идеи о природе языка.

Предметом исследования выступают особенности соотношения между способами понимания сущего и бытия и природы языка в таких философских концепциях.

Цель исследования состоит в том, чтобы показать, что определенному пониманию сущего и бытия соответствует определенное понимание природы языка.

Для достижения этой цели необходимо решить следующие задачи:

– обнаружить в философских учениях Античности и Новейшего времени присутствие, с одной стороны, фундаментальной оппозиции в области понимания сущего и бытия, а с другой стороны, выявить два противоположных друг другу подхода к пониманию природы языка;

– продемонстрировать, что в философских учениях Античности (натурфилософия, Платон, Аристотель) имеется связь между способом понимания сущего и бытия и пониманием природы языка;

– показать определенное соответствие между способом понимания сущего и бытия и пониманием языка также в философии Нового и Новейшего времени на примере концепций В. фон Гумбольдта, С. Н. Булгакова, М. Хайдеггера;

– проследить влияние и развитие онтологических представлений, установленных в Античности, на анализируемые языковые концепции мыслителей Нового и Новейшего времени.

Теоретические и методологические основания работы. Теоретико-методологической базой исследования послужили труды Г.-Г. Гадамера, П. П. Гайденко, Э. Кассирера, А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, Л. А. Микешиной, в которых характеризуются ведущие принципы и формы мышления как классической, так и неклассической философии; разработаны подходы к методологии познания мира и человека; обозначена проблема бытия и дано ее осмысление; выявлены особенности языковых структур; предложен сущностный анализ природы языка; рассмотрены взаимосвязи бытия и языка.

Для достижения цели и решения поставленных задач диссертант использовал следующие методы научного исследования: сравнительно-аналитический метод (с целью изучения и сравнения онтологических и языковых воззрений философов Античности, Нового и Новейшего времени); метод историко-философской реконструкции (с целью рассмотрения изменений и эволюции онтологических и лингвистических концепций в разные эпохи); герменевтический метод (для истолкования смысла философских текстов мыслителей различных времен и культур).

Научная новизна исследования заключается в следующем:

– выявлено наличие двух противоположных подходов в области онтологии, проходящих через историю философии: 1) сущее представляется в виде совокупности элементов, вещей, субстанций, исходя из которых объясняются отношения между ними; 2) первичными являются именно отношения, определяющие элементы в их многообразных связях. Различие между этими подходами может быть выражено через отождествление сущего и бытия (Аристотель), либо через их противопоставление (Платон, М. Хайдеггер);

– показано, что античные философские учения, рассматривающие сущее как совокупность элементов и вещей (Демокрит, софисты, в известной мере элейцы, Аристотель), в понимании природы языка склоняются к конвенциональной теории происхождения имен. В то же время учения, в которых отношения между элементами принимаются как первичные (Логос Гераклита, числовые соотношения пифагорейцев, умопостигаемые идеи Платона), постулируют не случайный характер связи имени и сути вещи;

– обнаружена двойственность в концепции В. фон Гумбольдта, где, с одной стороны, язык анализируется в качестве знаковой системы, проходящей общие для всех языков ступени развития. Но, с другой стороны, отдельный язык выступает как носитель «самобытного мирозерцания», выражающий присущий данному народу определенный способ видения мира, его онтологию;

– представлены идеи С. Н. Булгакова об антропокосмической (антропоонтологической) природе языка – «в нас говорит вселенная, а не мы» – как развитие гераклито-платоновского учения о слове, выражающем сущность бытия;

– прослежена связь между хайдеггеровской критикой понимания языка как договорно устанавливаемого отношения знака и обозначаемого и онтологией М. Хайдеггера, различающей бытие и сущее, а также показана связь этой критики и онтологии с определением-метафорой «язык – дом бытия»;

– найдены точки соприкосновения между онтосимволической концепцией имени С. Булгакова и феноменолого-герменевтическим подходом к языку М. Хайдеггера, раскрывающими глубинные онтологические связи и отношения, где отдельные элементы входят в ряды взаимосвязей.

Положения, выносимые на защиту:

– онтология как определенный способ понимания бытия и сущего, с одной стороны, и понимание природы языка, с другой стороны, находятся в не случайной связи;

– сведение бытия к многообразию налично существующего – единичных, вот этих вещей-предметов, явлений и субстанций – предполагает и понимание языка прежде всего как совокупности предметов-знаков, находящихся в соответствии с внешними предметами;

– различение бытия и налично существующего предполагает понимание языка как нечто большего, чем системы знаков, указывающих на предметы, но в той или иной форме выражающего бытийную сторону существующего.

Теоретическая и практическая значимость исследования. Основные материалы и выводы диссертационного исследования могут быть использованы в качестве теоретической и методологической основы для решения проблем философии, антропологии, лингвистики, культурологии. Его результаты могут практически применяться для учебно-методической работы, для разработки курсов по онтологии, герменевтике, теории и истории культуры, философии языка, а также спецкурсов по проблемам языка в концепциях М. Хайдеггера, С. Булгакова, В. Гумбольдта.

Апробация исследования. Основные положения диссертационного исследования отражены в научных публикациях, докладывались на Российско-Белорусской научно-теоретической конференции «Становление сознания специалиста: междисциплинарный диалог» (Киров, 2003), на международных научных конференциях «Рациональность и свобода» (Санкт-Петербург, 2005) и «Повседневность как текст культуры» (Киров, 2005), на Всероссийской научно-практической конференции «Личность-Язык-Культура» (Саратов, 2007), на международной научно-теоретической конференции «Ценности современной науки и образования» (Киров, 2008), обсуждались на межрегиональном научном семинаре молодых ученых «Знаковое пространство культуры XX–XXI вв. в комплексных гуманитарных знаниях» (Киров, 2008), а также на заседаниях кафедры философии и социологии ВятГГУ.

Объем и структура диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, включающих восемь параграфов и выводы, заключения, библиографии. Объем диссертации 187 страниц. Библиографический список содержит 220 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Первая глава «Онтологические и языковые оппозиции в философии античности» состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Постановка проблемы» формулируются идеи Ю. М. Лотмана о невозможности одного идеального языка выразить внеязыковую реальность. Минимальной работающей структурой может быть лишь наличие двух языков, взаимно непереводаемых и неспособных по отдельности охватить внешний мир. Но именно данная взаимная непереводаемость (или ограниченная переводаемость) является источником адекватности внеязыковой реальности ее отражению в мире языков⁶.

Опираясь на логику рассуждений Ю. М. Лотмана, диссертантом выдвигается предположение о необходимости и неизбежности, по крайней мере, двух способов понимания, или описания сущего как такового, и, следовательно, необходимости и неизбежности присутствия в истории философии оппозиции двух несводимых друг к другу онтологий.

⁶ См.: Лотман Ю. М. Культура и взрыв // Семиосфера. СПб., 2004. С. 12–148.

Применяя этот же ход мысли к соотношению самого языка как особой реальности и описания природы языка, то есть того, как он предстает в различных философиях языка, можно констатировать необходимость и неизбежность двух подходов к пониманию языка, которые только в своей совокупности способны всесторонне рассмотреть язык как таковой.

Таким образом, речь идет о существовании двух фундаментальных оппозиций: одной в онтологии, другой в понимании языка.

Далее в исследовании предполагается наличие определенной связи между пониманием сущего и пониманием языка в том смысле, что обе пары оппозиций находятся не в случайном отношении, а как-то коррелируют между собой. Показывается, что рассмотрение философских учений античности, с одной стороны, а с другой – учений о природе языка того же периода позволяет обнаружить действительное присутствие фундаментальных оппозиций как в области понимания сущего, так и в понимании языка.

При всем своеобразии способов видения бытия и сущего в древнегреческих философских школах выявлено два существенно различающихся подхода⁷. Первый подход отталкивается от идеи, нивелирующей самобытное значение отдельных объектов, и базируется на всеобщих структурах отношений, выявляющих целостность реальности. Общее (Логос, числовые соотношения, идеи) оказывается в онтологическом смысле первичным по отношению к отдельным вещам, определяет их содержание, устанавливая их место в сложной системе координаций и выявляя различный смысл предметных взаимосвязей. Бытие в этом подходе не субстанционально, не является предметно-наличным. Такая онтология получает свое полное развитие у Платона, отчасти у Аристотеля (идея Перводвигателя), ее становление также можно проследить в учениях Гераклита и Пифагора.

В основе второго подхода лежит понимание бытия как совокупности элементов или вещей, обладающих самостоятельной, субстанциальной природой. Из свойств отдельных вещей генетически выводятся и объясняются все отношения между ними. Этот подход наблюдается в философии Демокрита, отчасти у Парменида и Аристотеля (приравнивание сущего единичной вещи).

⁷ См.: Гайденко П. П. История греческой философии в ее связи с наукой. М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. 319 с.; Гайденко П. П. Онтологический горизонт натурфилософии Аристотеля // Философия природы в античности и средние века. М., 2000. С. 37–77; Гайденко, П. П. Понимание бытия в античной и средневековой философии // Античность как тип культуры: Сб. ст. М., 1988. С. 284–307; Кассирер Э. Логика наук о культуре // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 7–155; Кассирер, Э. Опыт о человеке. Введение в философию человеческой культуры // Избранное. Опыт о человеке. М., 1998. С. 440–724; Кассирер Э. Познание и действительность. Понятие субстанции и понятие функции. М.: Гнозис, 2006. 400 с; Кассирер Э. Философия символических форм. Т. 1. Язык. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. 271 с.

В то же время размышления античных философов над природой языка вылились в два альтернативных подхода к пониманию связи между словом и вещью в процессе именования (так называемый спор об именах).

Первый подход базируется на презумпции онтологической заданности соответствия имени и означаемой им вещи и представлен в научной литературе в виде тезиса: имена – по природе, другое его название – *теория φύσει* (от греч. «природа»). Наименование отличает данную вещь от всего окружающего, поскольку оно захватывает в вещи ее смысл, ее «смысловую стихию» (А. Ф. Лосев).

Второй – понимает процесс именования как осуществленный по установлению, договору, закону или даже произвольно, случайно. Он получает название – *теория θέσει* (от греч. «положение», «установление»).

Существенным представляется то обстоятельство, что философы, исходящие в своих онтологических построениях из первичности отношений и вторичности отдельных вещей (Гераклит, пифагорейцы, Платон), являются одновременно представителями подхода «имена – по природе», а философы, апеллирующие к первичности и самостоятельности отдельных вещей и элементов (элейцы, Демокрит, софисты, Аристотель), склоняются к признанию имен как принятых по договору или по установлению. Таким образом, по крайней мере эмпирически, в античной философии намечается определенное соответствие между способом понимания бытия и сущего, или типом онтологии, и способом понимания природы языка.

Все последующие параграфы первой главы построены на развернутом рассмотрении данного обстоятельства.

Во втором параграфе «Оппозиции понимания бытия и языка в античной натурфилософии» представлен подробный анализ соотношения понимания сущего и понимания языка в учениях греческих философов.

У пифагорейцев и Гераклита наблюдается свой специфический подход к сущему, который позволяет говорить о них как о представителях онтологии отношений. В пифагорейской теории число и числовые пропорции-отношения упорядочивают универсум, мир и человеческую мысль, они раскрывают фундаментальное устройство космического порядка. Логос для Гераклита выступает началом всех отношений вещей в мире, он оформляет целостность вещей, все вещи связаны с огненным Логосом как с первой структурной основой бытия. В онтологическом смысле понятия числа и Логоса оказываются определяющими и первичными к явлениям сущего изменчивого мира. Подобное объяснение всей структуры мироздания с помощью понятий числа и Логоса проявляется и в мире языка. В своих учениях о природе языка пифагорейцы и Гераклит придерживаются теории природного соответствия имен вещам, имена даны вещам по природе и отображают смысловую сущность первоначал – числа и Логоса.

Для элеатов, софистов и Демокрита характерны противоположные пифагорейским и гераклитовским представления о сущем и о языке. В их онтологии сущее дано в виде совокупности элементов и окружающих вещей.

Здесь речь идет о предметно наличном бытии, первичным становится отдельное, особенное, ограниченное, исходя из которого объясняется все остальное.

Высказывание Парменида о чистом бытии, явленном в образе совершенного шара, с точки зрения развития языка несет двойное понимание бытия: и как конкретной предметной наличности в виде шара, и как передающее абсолютное чистое бытие. Элеаты во главе с Парменидом пытаются избежать этой языковой многозначности представления бытия, придерживаясь теории условности имен, конвенциональной связи языка и бытия. Они относят слова к миру смертных людей и к совокупности преходящих вещей и явлений. У софистов в учении чувственное восприятие представляется изменчивым, обманчивым, а сущее текуче и непостоянно, оно не может совпадать ни с мыслью, ни со словом. Воспринятое сущее нельзя с помощью языка и речи донести до другого, никто не вкладывает в слова тот же смысл, что другой. Поэтому имена есть не что иное, как договор и соглашение. Наконец, у Демокрита бытие отождествляется с сущим, состоящим из атомов. Атом, которым оперирует Демокрит, – это образ, конструируемый познанием, для того чтобы овладеть чувственным опытом и выстроить упорядоченный мир. И язык рассматривается им как модель, обладающая структурным членением, подобным миру. Изменения в составе и расположении атомов образуют уже иную вещь. Точно также изменение хотя бы одной буквы способно превратить одно имя в совершенно другое. Имена и язык относятся к области договора, закона.

В целом в античной философии обнаруживаются оппозиции как в области учения о бытии, так и в области учения о природе языка, между которыми есть определенная связь. Именно благодаря наличию этих оппозиций оказывается возможным полное отражение сущего и адекватное понимание языка. Путь греческих философов к пониманию бытия обусловлен языком.

Анализ первых греческих учений показывает только зарождающиеся тенденции рассмотрения проблемы соотношения бытия и языка, поскольку сведения, дошедшие до нас от натурфилософов либо фрагментарны, либо это позднейшие косвенные свидетельства других авторов, и трудно отличить взгляды самих философов от взглядов их последователей. Более точно идеи о взаимосвязи понимания бытия и понимания языка прослеживаются в систематических учениях Платона и Аристотеля.

В третьем параграфе «Онтология отношений и природа имени в учении Платона» обосновывается точка зрения, что философия Платона строится на отношениях, выявляющих смысловые сущности бытия. Для античного автора понятия, или эйдосы, – вечно пребывающие сущности и объекты истинного знания. Они, являясь источником и бытия, и познания, становятся онтологическими и гносеологическими сущностями при соотношении с чувственным миром. Соотнесенность понятий определяет собой причастность к ним вещей, взаимную связь, проистекающую из этой причастности, и соотнесенность уже и самих вещей. Платон выстраивает иерархиче-

ские отношения между идеями и показывает, что только единство многого составляет сущность умопостигаемого мира, и оно может существовать и быть познаваемо.

Акт понимания, познания у мыслителя в его концепции связан с актом называния, именованя. Язык становится посредником между внешним миром и внутренним миром человека, это инструмент взаимосвязи мира вещей и мира человека. Имена в языке фиксируют и выражают момент устойчивости в изменчивом потоке бытия. А сам язык выступает как особый онтологический феномен, оформляющий картину мира, привносящий в нее дискретность, благодаря чему оказывается возможным познание мира. Он отражает природные свойства устойчивых объективных сущностей вещей, которые можно познать. Причем, именоване не является простой копией сущности вещи. В акте именованя имя соотносится не только с именуемой вещью и ее сущностью, но и с идеей имени, которая отражает способ толкования человеком сущности вещи. Имя названо философом оглашением сущности вещи. Бытие и язык сливаются в одну единую и, в то же время, расчлененную детальным анализом сферу.

Четвертый параграф «Аристотель: субстанциальный подход к языку» посвящен анализу взглядов на бытие и язык у Аристотеля.

С одной стороны, в онтологическом смысле для Аристотеля сущность (субстанция) – первична, отношение – вторично. Он, в отличие от Платона, опирается на сущее, состоящее из изменчивых, текучих вещей и явлений природного мира. Стагирит признает, что отдельная вещь и суть ее бытия одно и то же. Философ рассматривает природу бытия, отталкиваясь от чувственных вещей, то есть от множества разных исходных начал, которые не выводятся ниоткуда, но принимаются непосредственно. Поэтому здесь можно говорить об эмпирическом рассмотрении мира, где предполагается наличие самих вещей в их значительном качественном своеобразии. Логически вычлененные Аристотелем категории (грамматические, предикативные свойства, характеризующие бытие и сущее) находят опору для своего существования лишь в вещественном субстрате, который должен быть первоначальным. Категории бытия, мышления и языка выступают не в случайном единстве. Понимание мыслителем сущего как наличной совокупности единичных вещей-субстанций-сущностей дано в связи с его пониманием языка как системы высказываний-предложений, в которых принятые по соглашению имена соединяются связкой «есть» или «не есть» в соответствии или не в соответствии с действительным наличием у конкретной вещи данного общего свойства.

С другой стороны, у Аристотеля в его философии, кроме единичных, существующих самих по себе вещей, представлено понятие чистой актуальности, которое является мыслящим самое себя божественным мышлением. Оно сверхприродно, способно вносить в мир порядок и цель, служа источником бытия и сущности всех остальных вещей. Отдельные сущности, их существование и объяснение требуют присутствия этой другой сверхчувств-

венной сущности, чистой деятельности, которая в онтологическом смысле первична по отношению к элементам, вещам.

Таким образом, можно говорить о двойственности в онтологии Аристотеля, которая пронизывает дальнейшее развитие европейской философии (например, противоположность номиналистической и реалистической онтологий).

Во взглядах Аристотеля на язык прослеживается первенство субстанционального подхода. Язык предстает как система знаков имен, глаголов, высказываний (звукосочетаний), обозначающих вещи и отношения между ними, то есть как область особых предметов – звуков, слов, знаков. Философ, рассматривая речевую практику человека, разграничивает ее компоненты (имя, глагол, речь, высказывание), показывает их взаимосвязь, поднимаясь в своем анализе до бытийственного уровня. Слово в высказывании соотносится через значения с отдельной вещью, ее свойствами или мыслью о вещи и ее свойствах, и оно вносит определенность. В высказывании отражается то, что присуще или не присуще вещам в действительности, и определенность высказываемого диктует определенность сущему. Язык изучается Стагиристом как вещь, как естественное, хотя и органически связанное с человеком, явление, как универсальная абстрактная знаковая система, несущая предметно-логическое содержание.

Линию Платона и Аристотеля о наличии внутренней сущности продолжили стоики, развив языковое учение о словесно выраженном обозначаемом – лектоне. Мир для стоиков окаменевшее сущее, вещьность. Лектон же – это словесная предметность, существующая в знаковом оформлении. Он обладает реляционным характером, относясь и к слову, предметом которого оно является, и к вещи, которая им обозначается. Лектон обязательно есть та или иная система отношений, смысловая конструкция, то есть система смысловых отношений.

Вторая глава диссертации «Онтология отношений и понимание языка в XIX–XX вв.» также состоит из четырех параграфов.

В первом параграфе «Предваряющие замечания» отмечается, что оппозиции понимания бытия и языка, сложившиеся в науке и истории языкознания к XIX–XX вв., своими истоками уходят в античность.

Так, согласно Э. Кассиреру, под влиянием онтологии Аристотеля вплоть до XX века господствовала концепция «понятий-субстанций». Понятие осмысливается здесь как непосредственное отражение некоторой сущности (субстанции), содержащейся в каждом из явлений определенной области, а факты понимаются как нечто первичное по отношению к теоретическим понятиям. Наблюдается тенденция «опредмечивания сущего» (А. Х. Султанов), четко проявившаяся именно в Новое время.

И язык предстает здесь как предмет. Душа и «живость» языка исчезают, в науке происходит подмена самого языка, его творческой энергии предметностью. Происходит разрыв онтологической связи между словом и вещью, в результате слово лишается бытийственности, превращается в произ-

вольный знак, условный символ, что отражает новоевропейскую тенденцию «опредмечивания сущего». Бытие вещи становится независимым от способа обговоренности в языке, в слове. В таком подходе язык рассматривается как устойчивая, неизменная система нормативно тождественных языковых форм, преднаходимых индивидуальным сознанием. Его законы есть специфически лингвистические законы связи между языковыми знаками внутри данной замкнутой языковой системы, а индивидуальные акты говорения являются лишь случайными преломлениями и вариациями.

Развитие науки в XX в., по мнению Н. Гартмана, Э. Кассирера, К. Лоренца, опровергло аристотелевскую онтологическую парадигму. На первое место в познании выходит идея, выражающая всеобщие структуры отношений, и осуществлен переход к анализу отношений, связей смыслов. Данная концепция названа концепцией «понятий-функций» (Э. Кассирер). Отдельному предмету, явлению, событию надлежит войти в ряды взаимосвязей, где они будут элементами системы – логической, телеологической или причинной. Понятия определяют содержание фактов. Для познания становится важным не только изучение содержания предмета, но и все его смысловые взаимосвязи.

Многое в данном подходе сближает его с идеями феноменологии, где подчеркивается значение естественных, повседневных категорий и законов познания, поскольку опыт жизненного мира невозможно описать в единых, универсальных для всего человечества понятиях. Феноменология отказывается от атомистической трактовки исходных данных познания, от понимания элементов как лишенных смысла в пользу целостного понимания, предполагающего изначальную включенность элементов в некое иерархически организованное целое. Смысл отдельного изначальным образом зависит от смысловых отношений, существующих в целом. Бытие рассматривается как реальность, связанная с вещами, человеком и его существованием. Язык же становится частью человеческой реальности. Здесь описывается языковое бытие, открытое и неотделимое от окружающего мира, наделенного смыслами.

В рамках онтологии отношений язык интерпретируется как обладающий «базовой духовной функцией» (Э. Кассирер), которая заключается в его формировании, то есть образовании объективной смысловой взаимосвязи и объективной целостности воззрения. Он перестает обозначать просто предметы как таковые, но обозначает понятия. Язык представлен как деятельность, созидаящая и конструирующая действительность. Эта среда не существует вне нас как объективированная данность, но находится в нас самих. Такое рассмотрение языка включает в себя элементы подходов, называемых исследователями «индивидуалистическим субъективизмом» (В. Н. Волошинов), «философией лингвистических функций или философией эгоцентрических слов» (Ю. С. Степанов), «лингвистикой языкового существования» (Б. М. Гаспаров). В онтологическом смысле для языка необходимо присутствие, бытие человека. Язык – не просто абстрактная система знаков, он соотносится с субъектом, который его использует. Мир, человек и язык существуют в неразрывном единстве и целостности.

Эти связи между пониманием бытия и пониманием природы языка прослеживаются далее на примере концепции ученого-языковеда XVIII–XIX вв. В. фон Гумбольдта и на примере идей о бытии и языке философов XX в. С. Булгакова и М. Хайдеггера.

Во втором параграфе «Два аспекта понимания языка В. фон Гумбольдтом» дается анализ работ В. Гумбольдта, в которых лингвист рассматривает язык, с одной стороны, в качестве отдельного предмета изучения, требующего исторического и системного исследования. В русле научных тенденций своего времени автор занимается типологическими проблемами языкознания, разрабатывает стадиальную концепцию языка. Такое стадиальное развитие непосредственно связывается с различной степенью духовного развития народов. Здесь обнаруживаются наиболее общие законы языка, а языковые факты, в свою очередь, используются для решения научных проблем, выдвигаемых конкретным временем. Язык интерпретируется как некая целостность, знаковая система, что сближает подход В. Гумбольдта с аристотелевским подходом.

С другой стороны, язык для В. фон Гумбольдта – отражение действительности, которое невозможно без тесной связи с человеком, его мышлением и сущностью. Но это не просто отражение бытия, не мертвая копия внешнего мира, это живая деятельность, энергия. Феномен языка рассматривается лингвистом как посредник, как органон, по Платону, между миром природы, предметным миром и человеком. Согласно мнению В. Гумбольдта, язык состоит из материи (субстанции), играющей вспомогательную роль, а суть языка – это его форма (восходящая своими корнями к эйдосам Платона). Слово интерпретируется немецким языковедом не просто как материальный знак для обозначения существующих независимо от него вещи или понятия, его нельзя свести и к совокупности произвольных или случайно употребляющихся знаков понятий (или звукосочетаний в силу соглашения, как у Аристотеля). Оно отражает не сам предмет реальности, а то его видение, понятие, «самобытное мирозерцание» (В. Гумбольдт), которое есть в сознании носителей языков. Поэтому для В. Гумбольдта процесс отражения мира в языке во многом зависит и от чувственного мировосприятия, и от языкового сознания субъекта. Язык в неразрывном единстве с сознанием создает субъективный образ объективного мира, формирует мир, образуя смысловые взаимосвязи и целостное воззрение на бытие. Кроме того, через систему языка человек подключается к опыту языкового коллектива, к социальной памяти общества, к интерсубъективному миру культуры, что, в свою очередь, дает возможность выхода за пределы индивидуального ограниченного конечного бытия. Поэтому к феномену языка надо подходить не просто с позиции системы знаков и их значений, совокупности имен и предложений, а как к «опыту мира», «горизонту онтологии» (Г.- Г. Гадамер), как к интерсубъективному бытию.

В третьем параграфе «Онто-символическая концепция С. Н. Булгакова», посвященном анализу концепции С. Булгакова, делается вывод, что русский философ последовательно развивает мысль о бытийной укоренен-

ности слова и недопустимости его интерпретации лишь как условно связанного с называемой им вещью в сознании человека. Можно утверждать первичность онтологии отношений в его представлениях о природе языка. Основой метафизических рассуждений автора о языке и слове является формула нераздельного и неслиянного существования формы и материи слова. Форма – это энергия, идеальная сила или идея, наделяющая слово подлинным бытием. Бытие формы проходит свое становление в звуковой, графической реализации. Однако слово остается тождественным себе при всех своих перевоплощениях именно благодаря наличию внутренней формы. Мысль отца Сергия Булгакова о внутренней сущности (нераздельной и неслиянной), отраженной в имени, позволяет говорить о развитии гераклито-платоновских представлений: слово выступает аналогом платоновской идеи и Гераклитова Логоса, выражающих сущность бытия, поскольку в слове смысловым образом присутствует сущность вещи, которая и определяет все отношения вещи.

С. Булгаков пишет об антропокосмической (антропоонтологической) природе слова, предполагающей нерасторжимое единство всего мирового бытия и человеческой личности. Сращение идеального и реального, космического и элементарного мыслитель называет символом, в нем соединяется внутренняя сущность, мировая энергия и внешняя сторона предмета. Философ осознает символическое присутствие вещи в слове, которое может полнокровно реализовываться только в человеке и через человека. В собственных представлениях об отношениях мира, человека и языка он достигает поистине онтологической космической глубины, выделяя ипостаси бытия, которые, в свою очередь, раскрывают бытийственную структуру языка. Им показаны и проанализированы глубинные онтологические связи и отношения, его философия имени имеет иерархическое строение. Мыслитель выделяет «тройственный акт», проходящий становление «от элементарного до сложнейшего»: инобытие, неограниченное природой, где происходит самоидеация вещей, которую надо услышать; идея, сущность, облекаемые в языковую, звуковую форму, само именование; именование и его осознание, творческий мыслительный акт, совершаемый человеком, где происходит переход от самоименования сущности к именованию человеком. Заключительный этап именовании рассматривается в качестве некоего фундаментального онтологического процесса, конституирующего все бытие в целом. А сам язык не является просто произвольным феноменом, хотя его и создает творческое сознание человека. Поскольку мир проявляет себя в языке и через него происходит процесс самоидеации вселенной, то язык выступает как особая форма понимания мира. Используя терминологию Э. Кассирера, можно сказать, что язык у отца Сергия становится «функцией», на основе которой происходит структурирование, организация бытия. Каждая вещь и сам человек имеют возможность с помощью словесного облачения «звучать» во вселенной, проявить себя, показав свою объективную внутреннюю сущность. Мир оказывается творческим полем встречи космического и человеческого, трансцендентного и экзистенциального факторов. Слова говорят себя в человеке и через человека и творятся самим бытием.

В четвертом параграфе «Язык и бытие в философии М. Хайдеггера» анализируется путь к языку М. Хайдеггера, проделав который становится возможным раскрыть онтологическую сущность языка и дать слово самому языку. Мыслитель, соединяя онтологию и феноменологию, пишет о феноменологической герменевтике. Он интерпретирует феномены, с которыми человек постоянно имеет дело, ориентируясь не на интуитивный трансцендентальный, а на герменевтический опыт, дающий возможность раскрыть смысловые связи человека с окружающим миром, понять его «бытие-в-мире». Разрабатывается форма, опосредующая отношения человека, бытия и языка, которых сближает их изначальная взаимообусловленность и единство, являющееся фундаментальной основой сущего. Прежде всего М. Хайдеггер приходит к изначальным основаниям самого бытия, а потом – к пониманию сути языка, в котором собрана осмысленность и истолкованность мира.

Философ оценивает всю сложившуюся научную метафизическую традицию рассмотрения языка, пытаясь «перешагнуть за сущее в целом», «вопросая сверх сущего, за его пределы». В своих работах М. Хайдеггер ищет аутентичные характеристики языка, понимая его не как исторически и лингвистически сложившуюся самостоятельную систему знаков со своими законами, но подходит к языку онтологически, обнаруживая в нем и его составляющих бытийную основу. То есть язык – не просто семиотическая система знаков, отношения обозначающего и обозначаемого, это медиум раскрытия бытия. В языке является бытие, в речи осуществляется событие. М. Хайдеггер подчеркивает бытийную сущность языка, которая заключается в сказе. Важно не само говорение, но важно услышать сказ, через который проявляет себя событие. Событие не ограничено ни во времени, ни в пространстве. Вся жизнь – это нескончаемый поток событий. Человеческую способность говорить, внимая голосу бытия, определяет событие. Само бытие нуждается в языке и речи, для того чтобы осуществиться. Человек же выступает как «пастьх бытия». Точкой феноменологического и герменевтического отсчета для философа становится именно бытие человека, заключающееся в ожидании и прислушивании к знакам бытия, которые открыты для понимания. Поэтому язык понимается через онтологию человеческого присутствия. В исследовании проводится параллель с творчеством С. Н. Булгакова, говорившего об антропокосмическом (антропоонтологическом) характере языка. И С. Булгаков и М. Хайдеггер снимают субъектно-объектные отношения, субъект-объектную структуру мира, берущую начало еще в античности. В их концепциях мир не противостоит человеку, мир и человек образуют единство, а следовательно, и язык входит в это единство.

Таким образом, М. Хайдеггер пишет о подлинных онтологических связях и отношениях, ведущих к выявлению скрытого, глубинного единства на основе события, которое говоряще. Отдельное не остается отдельным, оно входит в ряды взаимосвязей. Язык для него – «дом бытия», пространство со сложной структурой и взаимосвязями. По мнению немецкого философа, лингвисты и мыслители, переходя к конкретным описаниям языкового мате-

риала, пользуются уже сложившимся понятийным аппаратом, набором языковых единиц и категорий, анализируют язык как систему, но не вычленяют его глубинных трансцендентных черт. В формуле М. Хайдеггера язык представляет собой нечто большее, чем упорядоченный инвентарь форм, поскольку определяющую роль в нем играют не материальные элементы, а онтологические отношения человека и бытия, образующие структуру.

В заключении подведены итоги исследования, сформулированы основные выводы и намечены перспективы дальнейшего исследования. Язык охватывает реальность, определяет и структурирует бытие. Подходы к языку, предложенные философами, связаны с их онтологическими представлениями. За разными подходами к природе языка стоят различные «формы понимания мира» (Э. Кассирер), сложившиеся еще в античности.

ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ ДИССЕРТАЦИИ ОТРАЖЕНЫ В СЛЕДУЮЩИХ ПУБЛИКАЦИЯХ:

Статьи в ведущих научных журналах и изданиях, рецензируемых ВАК РФ

1. Горюнова, Т. А. Путь к языку Мартина Хайдеггера [Текст] / Т. А. Горюнова // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета: научный журнал. – 2008. – № 3(1). С. 146–152.

Статьи в сборниках научных трудов и тезисы докладов на научно-практических и научно-теоретических конференциях

2. Горюнова, Т. А. Языковое и речевое сознание специалиста [Текст] / Т. А. Горюнова // Становление сознания специалиста: междисциплинарный диалог: материалы Российско-Белорусской научно-теоретической конференции (Киров, 2–4 апреля, 2003 г.). – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2003. – С. 94–99.

3. Горюнова, Т. А. Вильгельм фон Гумбольдт как основатель современной философии языка [Текст] / Т. А. Горюнова // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: материалы научно-теоретической студенческой конференции. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 58–63.

4. Горюнова, Т. А. Неклассические подходы понимания природы языка (на примере сравнения взглядов В. фон Гумбольдта и М. Хайдеггера) [Текст] / Т. А. Горюнова // Сознание – мировоззрение – мышление: сборник научных статей. Вып. 8. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2004. – С. 87–91.

5. Горюнова, Т. А. Интерсубъективные основания языковой коммуникации [Текст] / Т. А. Горюнова // Рациональность и свобода: тезисы VI международной научной конференции. Санкт-Петербург, 16–17 ноября 2005 г. – СПб., 2005. – С. 255–256.

6. Горюнова, Т. А. О некоторых аспектах философии языка Аристотеля [Текст] / Т. А. Горюнова // Гуманитарные проблемы современного информационного общества: материалы студенческой научно-теоретической конференции. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. – С. 39–44.

7. Горюнова, Т. А. К интерсубъективному аспекту повседневного взаимодействия [Текст] / Т. А. Горюнова // Сознание – мировоззрение – мышление: сборник научных статей. Вып. 9. – Киров, 2007. – С. 23–26.

8. Горюнова, Т. А. Проблема языка и бытия в диалоге Платона «Кратил» [Текст] / Т. А. Горюнова // Вестник Ивановского государственного энергетического университета. Приложение: Актуальные проблемы экономического и социально-гуманитарного знания. – Иваново, 2007. – Вып. 1. – С. 70–74.

9. Горюнова, Т. А. Онтосимволической подход к языку в «Философии имени» С. Булгакова [Текст] / Т. А. Горюнова // Личность – Язык – Культура: материалы Всероссийской научно-практической конференции 28–29 ноября 2007 г. – Саратов: Наука, 2008. – С. 276–282.

10. Горюнова, Т. А. Об отношении языка и бытия в учении В. фон Гумбольдта [Текст] / Т. А. Горюнова // Ценности современной науки и образования: материалы международной научно-теоретической конференции (Киров, ВятГГУ, 3–4 апреля 2008). В 2 т. Т. 1. – Киров: Изд-во ВятГГУ, 2008. – С. 123–127.

Подписано в печать 23.10.2008 г.
Формат 64х80/16.
Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 1,3.
Тираж 100 экз.
Заказ № 1033.

Издательский центр Вятского государственного гуманитарного университета,
610002, г. Киров, ул. Ленина, 111, т. (8332) 673674

